

Содержание

Предисловие.....	7
От автора.....	9
Благодарности.....	11

ЧАСТЬ 1

ЛИКИ И ЛИЦА.....	13
Первый архиерей	15
История одного омовения рук.....	21
Часовой механизм служения.....	24
Блаженны кроткие	28
Не все так просто.....	30
Странник Михаил	34
Возрождение и наследие	39
Духовная школа	45
Святейший	62
Бесценный дар	70
«Дайте Херувимского ладана».....	74
Соборянки.....	82
Дневник памяти	86
Где кассета?	89
Мир на ощупь.....	92
Наш Андрей	95
Венец жизни	100
Покрестил.....	106
Маруф	110
Бог даст, мы приземлимся.....	113

ЧАСТЬ 2

АССИРИЙСКАЯ ЛЕТОПИСЬ	117
Беженцы.....	118
Ты еси Бог творяй чудеса	127
Круговорот истории.....	130
Патриарх Мар Дынха	133
Поющий монах.....	141

ЧАСТЬ 3

СТРАНИЦЫ СТРАНСТВИЙ.....	151
Паломничество в Трапезунд	152
Православная Аляска: вода, воздух и свобода	159
Знакомство с Русской Америкой	159
Православие посреди океана	161
Православная семинария на острове	
Кадыак	162
Плавание длиною в вечность	163
Разные традиции и особое уважение.....	164
С Аляски в Сан-Франциско	165
Кресло святителя Иоанна Шанхайского.....	166
Америка навсегда осталась в сердце	167
Путеводитель по Ирану	169
Язд	173
Исфахан.....	175
Армянский квартал.....	176
Шираз	178
Чеховский Баденвайлер.....	180
Последнее пристанище.....	180
Немецкая дисциплина.....	186
Немного о собаках	187
По следам русских классиков	190
Владыка Пантелеимон в гостях у Чехова.....	192
Барон Дантес	195
Мелодия для Бога	198

Предисловие

С тихой радостью читаю книгу отца Даниила «Мелодия для Бога». Писать о жизни Церкви стало популярным, можно сказать, что сегодня церковная тема — одна из самых обсуждаемых и в прессе, и в блогах, и социальных сетях. Встречая яркий, кричащий заголовок, сразу думаешь: «Ну, церковь, чем сегодня удивишь? Какие страшные тайны своих служителей будут открыты? О каких новых скандалах мы узнаем?».

С отцом Даниилом меня связывает очень тёплое многолетнее знакомство, и я сразу согласился прочитать его книгу и написать предисловие. С первых же страниц я погрузился в свою радостную светлую церковную юность. Отец Даниил боится сравнивать себя с Лесковым, но это сравнение приходит само собой. И дело не в сопоставлении таланта великого русского писателя и обычного русского священника, нашего современника, а во взгляде на родную Церковь, в интонации, полной любви, иронии, снисхождения, грусти.

Отец Даниил пишет о Церкви, как и своей первой любви, которую он не растерял, которая не потухла, которую он сохранил, которой он живёт. И это чувство очень радостно отзывается в моем сердце. Когда я читаю его небольшие рассказы, я словно узнаю всех тех, о ком он пишет:

старые священники и дьяконы еще советских времён, церковные старушки, от которых нам всем доставалось, приходские чудачки и чудачки, которых мы принимали чуть ли не за святых. И при этом нет ни слащавости, ни сюсюканья, но вместо этого — часто доброе снисхождение, ирония, а подчас и горечь.

Сегодня в церкви чаще встретишь прагматика, а не романтика. Все чаще говорят о расцерковлении, о разочаровании. Эта книга о любви, о надежде, о том, как Церковь живёт в нас, а мы в Ней.

*Протоиерей Алексей Уминский,
писатель и публицист,
настоятель храма Живоначальной Троицы
в Хохлах г. Москвы*

От автора

Вся жизнь состоит из мгновений, которые остаются в памяти с раннего детства. Достаточно закрыть глаза, мысленно перенестись в прошлое, и порой кажется, что можно вспомнить почти все. В детстве и юности есть особые ощущения, которые не забываются до конца жизни. Можно не помнить, что было на ужин вчера, забыть лица и имена, случайные встречи... Но память хранит те события, которые переполняли наши сердца, наполняли душу эмоциями, заставляя потом с трепетом погружаться в них. Первые чувства, переживания, мечты и события для нас особенно важны. Совершая мысленно путешествия в прошлое, мы словно погружаемся в омут памяти, извлекая из него любимые запахи, мелодии, интонации, которые иногда более реальны, чем сегодняшняя действительность.

Мы также помним и разочарования. К примеру, в друзьях. В молодости кажется, что их много, хотя на самом деле настоящих — единицы, что, собственно, совершенно естественно. Порой мы удивляемся своей наивности, с которой в молодости воспринимали жизнь. Из таких условных пазлов состоит наша память. Со временем взлеты и падения формируют наш жизненный опыт. Важным в нашем прошлом, настоящем и будущем являются люди, которых мы встречаем. Благодаря им

мы получаем полезные уроки. В течение всего земного бытия именно люди являются нашими учителями. Учителями можно смело называть не только тех, кто был близок, добр, снисходителен к нам, но и тех, кто таковым вовсе не являлся, на кого возлагались надежды, которые не оправдались в дальнейшем.

Все они и есть наши добрые наставники, благодаря которым мы умеем отличать настоящее от наносного.

Слава Богу, жизнь сложилась так, что положительных героев на моем пути оказалось больше. Потому и родилась идея вспомнить ярких людей и обратиться к событиям прошлого. К сожалению, обо всех героях и жизненных ситуациях написать невозможно, ибо таковых немало.

Но начало положено этой маленькой книгой...

Благодарности

Такое множество людей внесли свой вклад в той или иной степени в создание этой книги, напрямую или через полученное от них вдохновение, что мне бы понадобилась еще одна глава, чтобы просто перечислить их. Я выражаю огромнейшее признание всем им.

В первую очередь приношу благодарность руководству и сотрудникам издательства «Никея», которые сочли возможным издать книгу. Искренне и от всего сердца выражаю благодарность митрополиту Ростовскому и Новочеркасскому Меркурию, человеку, все всякого сомнения, талантливому, выпустившему не одну книгу. Они читаются на одном дыхании и послужили вдохновением в моей работе.

Благодарю сотрудника информационного отдела Ростовской епархии Грибова Сергея за его многолетнюю поддержку в нашей совместной работе. Большая часть фотографий принадлежит его авторству. А также Игоря Петровского, пресс-секретаря главы Донской митрополии, — отдельные мои тексты напечатаны в виде статей на страницах журнала «Вестник Донской митрополии», где Игорь Павлович является бессменным главным редактором.

Хочу поблагодарить моих коллег и собратий: моих однокурсников и друзей еще с семинарской скамьи и многих других за незабываемые эмоции и многолетнюю дружбу; архиепископа Якутского и Ленского Романа, который любезно согласился просмотреть часть материала и дал ряд важных рекомендаций и корректив в описании нашей семинарии; моего давнего друга протоиерея Олега Добринского за то, что помог восполнить пробелы в ряде рассказов, когда моей памяти не хватало; Петра Геворгизова — настоящего патриота-ассирийца, который помог восстановить историю под названием «Беженцы».

Также благодарю иеромонаха Викентия (Сви-стунова), на протяжении многих месяцев читавшего и перечитывавшего книгу в процессе работы, предлагавшего свои неоценимые рекомендации и критические замечания.

ЧАСТЬ 1

Лики и лица

Всякий раз, когда перечитываешь Лескова, его описания жизни и бытия духовенства, ловишь себя на мысли, что именно эти части произведений можно перечитывать многократно. В них запечатлены образы исторических личностей в обычной, повседневной жизни, без лишнего пафоса, в обстановке и ситуациях, которые не попадают в официальные исторические документы. Конечно, автор не раз подвергался критике, но она осталась на бумаге... А мы имеем замечательные литературные портреты видных иерархов Церкви и простых клириков. Мне и в голову не приходит сравнивать себя с Лесковым. Просто подумалось, что такие очерки — это маленькие штрихи к образу тех, кто отозвался в моем юношеском сердце примером служения и христианской любви.

Первый архиерей

Владимир (Сабодан) был первым митрополитом в моей жизни, за которым мне посчастливилось с восхищением наблюдать. Мы — соборная молодежь того периода — были совершенно обычными, почти ничем не отличающимися от молодежи сегодняшней. Те же разговоры после службы, байки, истории, обрастающие легендами. Единственный, кто не подвергался обсуждению, был архиерей. Да-да! Наверное, в это сегодня трудно поверить, но о нашем митрополите говорили только с почтением и благоговением.

Правда, была одна особенность, которая присуща в целом русскому народу: это абсолютная идеализация иерархов, восприятие их как небожителей. Чтобы в этом удостовериться, надо открыть книги русских классиков, пишущих о духовенстве, познакомиться с воспоминаниями, и мы поймем, что преосвященные архипастыри зачастую страдали от того, что не с кем было поговорить без формальностей, панегириков и умильных улыбок. Я же, как прилежный воспитанник пожилых соборных прихожанок, впитал весь их фольклор. Мое благоговение перед митрополитом переходило в некий страх, сохранявшийся очень долго: при виде его я окончательно и бесповоротно терялся, превращаясь в немого.

Настал день, когда мне было предложено пойти к архиерею за благословением служить

в алтаре. Как себя вести, как и что говорить, я не знал. На помощь мне пришли старушки. Они научили, чтоб первым делом, войдя в кабинет, сделал архиерею земной поклон, потом приложился к руке и уж после этого испросил разрешения алтарничать в «святая святых». В приемный день я пришел в епархиальное управление в числе первых. По мере прибытия духовенства я понимал, что быстро мне в кабинет не попасть. Приезжали маститые священники, которые были, естественно, в приоритете. Все это время я волновался и ужасно переживал. Наконец уже во второй половине дня меня позвали.

Пока я шел к двери кабинета, то судорожно пытался собраться и вспомнить, что должно следовать за чем. Войдя, я увидел владыку, сидящего за столом, и, подобно сраженной наповал дичи, рухнул к его ногам. Теперь нужно было поцеловать руку, что я блестяще исполнил. Осталось самое сложное — внятно изложить причину моего посещения.

Сегодня я вспоминаю его взгляд и представляю, что он мог обо мне подумать. На его месте я бы решил, что человек либо юродствует, либо у него действительно не все в порядке с головой... И все же он благословил мое нахождение в алтаре, где мне предстояло читать горы записок, помогать в уборке и много чего еще делать, пока меня не призвали к иподиаконскому послушанию. Это было вожделенным и долгожданным событием. Теперь я мог надевать подрясник и стихарь, но — самое главное — на службах быть в непосредственной близости от архипастыря.

В то время сложно было услышать ярких проповедников, поскольку духовенства было ничтожно

мало, многие были замечательными пастырями, но в силу объективных причин не имели должного образования и проповеднических навыков.

По окончании школы был небольшой перерыв в несколько лет, когда я готовился к поступлению в семинарию и полностью погрузился в свои первые церковные обязанности. В это время в архиерейский дом искали дежурного, который должен был находиться там круглые сутки два раза в неделю. Мне была предложена эта работа, и конечно, я не мог отказаться. Подошли с новым кандидатом, то есть со мной, к владыке. Он немного колебался, поскольку я уже был занят на послушаниях. Но спросил: «А твоя мама не будет против?» Я ответил, что не будет.

И вот я дома у митрополита — у меня появилась уникальная возможность видеть легендарного церковного деятеля в неформальной обстановке. Мне объяснили обязанности. В доме жила матушка Любовь Ульяновна Концевич, вдова протоиерея Максима. Это была подтянутая пожилая дама, напоминавшая английскую леди. В прошлом она хорошо знала семью Сабодан, еще по Украине. Была близка с мамой митрополита. Когда мама владыки умерла, а Любовь Ульяновна похоронила своего супруга, владыка пригласил ее заведовать всем хозяйством в архиерейском доме. Одета она была безупречно: туфли на достаточно высоком для ее возраста каблуке, белая блуза, строгая юбка и пиджак, изящно повязанный платок. В ней было все прекрасно, но было одно но... Она управляла хозяйством и была очень требовательна. Естественно, я сразу же попал в ее поле зрения. Владыки часто не бывало дома: то он отправлялся в Москву,

то, как экзарх, уезжал в Европу. В дни отсутствия хозяина дома для всех обязательно находилась работа. В перерывах матушка Любовь спрашивала обо мне, моих родителях. Сначала это было похоже на допрос. Со временем мы нашли общий язык, что было непросто, и вот мы с ней уже пьем вместе чай. Затем она научила меня подшивать воротнички на рясах митрополита.

Высшей формой доверия стали совместные походы на рынок; особенно запомнился эпизод, когда мы выбирали огурцы для засолки. Я не догадывался, что это такой сложный и утомительный процесс, — иной раз люди быстрее делают покупки на рынке недвижимости. Долго выбирали огурцы, жара, невыносимо хочется пить — и вот наконец матушка путем тщательной пальпации огурцов нашла то что надо. За прилавком — сельская простая женщина. Начали взвешивать... И вдруг продавщица огурцов, не удержав восторга, что покупают у нее много, ляпнула: «Бабушка, берите огурчики, не пожалеете...»

Любови Ульяновне было достаточно доли секунды, чтобы принять волевое решение в ответ на жестокое оскорбление. Я понял: огурцы мы брать не будем, а значит, поиски продолжатся с самого начала. В этом была она вся. Но знаю, что она всегда хорошо отзывалась обо мне в разговоре с владыкой.

Когда он приезжал в Ростов, все оживало и наполнялось праздничным настроением. По утрам владыка выходил во двор с секатором и подрезал свои любимые розы. Занимался цветами довольно долго, это явно доставляло ему удовольствие. После он срезал букет и шел в комнату, где раньше

жила его мама, ставил эти цветы перед ее портретом и у иконы. Эта комната стала мемориальной, в ней никогда никто не жил.

Еще архиерей любил ловить рыбу. Если выпадал редкий свободный день, он брал снасти, и водитель вез его в места, только им одним ведомые, где высокопреосвященнейший рыбак проводил время за любимым делом и в думах.

Однажды в погожий день он вышел к машине, чтобы ехать на рыбалку. Остановился, постоял. Видно было, что у него хорошее настроение. И вдруг спрашивает у меня:

— Ну что, Даниил, как думаешь, погода будет хорошей?

— Как благословите, владыка.

Второй раз я увидел этот взгляд. Полный сожаления и разочарования. Как ни покажется странным, но я тоже почувствовал, что владыка ждал простого человеческого ответа. Но... ничего не поделаешь, многие из нас сотканы из странных предрассудков и неверных представлений.

Последняя встреча была непродолжительной, но очень теплой. Тогда владыка уже был избран митрополитом Киевским и всея Украины. Коротко он спросил о моем поступлении в семинарию. Мне очень много хотелось ему сказать. Я, конечно, понимал, что я — тот «добрый зритель в 9-м ряду», который смотрел, учился, благоговел, но это происходило лишь на почтительном расстоянии. И не знаю почему — я неожиданно попросил у него прощения. Вспомнил свою робость, доходящую до отупения, и слепое следование церковному этикету взамен человеческого общения. Поблагодарил за наставления, которые я получал просто находясь

рядом с ним. Эти уроки я брал от него сам, глядя на его служение, слушая проповеди, обращая внимание на детали архиерейской жизни. Он выслушал меня и был приятно удивлен, что я сумел сформулировать мысли и облечь все это в понятную словесную конструкцию. Он улыбнулся, обнял меня и оставил на память свой настольный портрет, который до сих пор напоминает мне о нем...

История одного омовения рук

Когда архимандрит Азовский Сергей (Полеткин) был рукоположен в сан епископа, у меня появилось постоянное иподиаконское место. Я был его книгодержцем. Часто приходилось сопровождать его с командой в поездках по епархии. Ездить мы очень любили, поскольку это хоть и небольшое, но путешествие по области, разнообразие в общении, по окончании литургии хлебосольные настоятели вкусно кормили и еще могли дать от щедрости немного денег за труды, что всегда было не лишним. В одну из таких поездок выяснилось, что иподиаконов недостаточно, поскольку правящий архиерей уехал в Новочеркасск, а значит, основной состав отправился с ним. Епископ Сергей должен был в этот день посетить дальний районный центр на краю области. Было решено: я и еще один коллега будем за старших, остальных мы должны были найти среди деревенских алтарников. Конечно, приятно выступать в качестве старшего, но нехватка кадров нас немного тревожила. Когда ты из года в год участвуешь в архиерейских богослужениях, то практически все делается на автомате, поскольку последовательность известна. Но самонадеянность никогда не заканчивается благополучно. Даже у старейших служителей бывают

провалы в памяти, забывчивость, которая приводит к курьезам, а иногда и неприятностям.

Итак, мы прибыли на приход задолго до приезда викария. Надо было подготовить все необходимое для службы. Найти помощников из алтарников на сельском приходе не так просто. Кое-как отыскивали несколько человек, которым нужно было в сжатое время рассказать, что нужно знать тому, кто стоит с жезлом или свечой. Я отыскал юношу пономаря, которому пытался объяснить вектор его деятельности. Он в числе прочего должен был вынести кувшин для омовения рук архиерея. Так как вода была ледяной, я порекомендовал ему добавить немного горячей воды, чтобы она была не ужасающе холодной. Мальчик был несказанно рад тому, что будет задействован на архиерейской службе. Рад он, конечно, был, но не было уверенности, что вместе с радостью пришло полное понимание, чего от него хотят. Через минуту после инструктажа он уже скрылся из поля зрения — пошел по храму и с чувством значимости сообщал знакомым прихожанам о возложенной миссии.

Встретили архиерея. Хор запел неплохими в прошлом голосами. Диакон читает входные молитвы. Епископ взойшел на кафедру, расположенную посередине храма. После облачения началась литургия. И вот мы выходим из алтаря вторым, один из нас — тот самый юноша, он держит в руках кувшин, из которого мы будем символически лить воду на руки архиерею.

Мальчишка выходит на середину храма, ослепленный собственным дебютом, ищет глазами своих знакомых, ожидая их умилительной реакции на происходящее. Мы подошли к владыке, мой коллега

взял кувшин за ручку и начал лить на руки. Это было как будто из произведения Эдгара По — мастера ужасных и мистических рассказов. Из кувшина вырвались клубы пара, и на руки владыки обрушился кипяток. Это наш юный дебютант не совсем понял мой наказ сделать теплую воду. Дело в том, что словом «теплота» именуется крутой кипяток, который используется после совершения литургии. Наверное, нам всем повезло, что это происходило в центре храма. Архиерей закусил губы, мы втянули шеи, как виноватые рептилии. В течение всей службы пострадавший епископ потирал обваренные руки, которые были в пятнах и напоминали лапы леопарда. Нам удалось избежать наказания, поскольку по окончании литургии гостеприимные настоятель и прихожане закрутили Преосвященного в карусели своей сельской непосредственной любви и почтения к высокому гостю.

А для нас это стало хорошим уроком: отправляясь в дальние места, мы более не надеялись на разного рода «помощников» и все проверяли лично.

Потому как всякое может случиться...